

КРИСТИНА ШРАМКОВСКАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ДОЖДЯ

РАССКАЗЫ

БОМБА ДЛЯ АНГЛИИ

В дождливой Англии жила-была русская девочка Джейн. Сама она родилась здесь, куда в начале двухтысячных переехали её мама и папа. Английский язык девочка считала родным, по-русски разговаривала только дома с родителями. И то по выходным. Она немного знала о России, где жила бабушка и куда они всей семьёй однажды ездили.

Джейн было восемь лет, когда в мире начались тектонические сдвиги. И хотя она ничего не понимала в политике и экономике, сдвиги её тоже коснулись. Мирная Англия стала для неё враждебной.

Стояло обычное английское утро, Джейн нехотя собиралась в школу. Мама приготовила ей завтрак и уже ждала дочь в машине. Русская девочка, схватив рюкзак и закинув в него красочный английский учебник, подбежала к автомобилю и уселась на заднем сидении.

В школе день начался тоже обычно, но к обеду что-то пошло не так. Сначала Джейн показалось, что на неё все смотрят. Абсолютно все. И не просто смотрят, а как-то странно косятся. Она сбегала в туалет, посмотрелась в зеркало и, не найдя ничего сверхъестественного, пожав плечами, отправилась на урок. Но взгляды продолжались. Джейн охватил какой-то страх, какой бывает, когда растут предчувствия неприятностей.

В классе подруга Мэри вдруг пересела от неё подальше, сказав, что ей нужно уладить какие-то вопросы с веснушчатой Габи, с которой раньше она

ШРАМКОВСКАЯ Кристина Васильевна родилась в городе Юрюзани Челябинской области. Большую часть жизни прожила в Ижевске, где окончила Удмуртский государственный университет. Работала журналистом и пресс-секретарём. В настоящее время живёт в Москве. Данная публикация — дебют.

вообще не общалась. Потом шумный Дэвид, зло сверкнув глазами, громко крикнул:

— Джейн, а ты, правда, русская?

— Да, у меня в России живёт бабушка, — тихо ответила Джейн.

— А твоя бабушка тоже кидает бомбы на города? — захохотал Дэвид.

Джейн не знала, что ответить, потому что не поняла, о чём он, но слёзы уже застилали глаза.

— А на Англию ты когда бомбу сбросишь? — продолжал Дэвид, а остальные ребята в классе подхватили. И вот уже целый хор голосов кричал: “Русская, когда сбросишь бомбу на Англию?” Вошедшая в класс учительница не смогла справиться с разбушевавшимися детьми и вызвала на подмогу воспитателя. Вдвоём они кое-как утихомирили подрастающее поколение.

Когда мама забирала Джейн из школы, заметила, что дочка стоит одна, втянув голову в плечи. Увидев мать, Джейн торопливо села в машину и захлопнула двери.

— Мама, Россия плохая? — тихо спросила Джейн, когда они отъехали от школы.

— Почему ты так думаешь?

— А у бабушки есть бомба?

Мама догадалась, что произошло в школе, но как отвечать на вопросы дочери, она не знала.

На следующий день Джейн даже не смогла подойти к школьной калитке. Едва русская девочка вышла из машины, как со всех сторон ей начали кричать разные обидные слова.

— Эй, русская, когда бомбу сбросишь?

— Эй, русская, а нас ты тоже убьёшь?

— Русская, убирайся в Москву!

Мать схватила дочь в охапку, засунула в машину, и они спешно уехали. Дома Джейн закрылась в своей комнате. Мама просила впустить её, но дочь не хотела никого видеть.

— Понимаешь, сейчас такие времена. Сейчас ничего не понятно. Мир рушится, но создаётся новый, и Россия играет в этом важную роль. Это не значит, что Россия плохая, просто сейчас всё будет по-новому. А новое всегда пугает людей, — говорила мама, сидя на полу у закрытой двери в детскую. — Вот представь, вам в класс принесли большой торт. Ребята решают сами его разделить. Но Дэвид, он же у вас самый сильный и задиристый, кричит, что лучшую часть торта он заберёт себе. Другие ребята начинают возмущаться. Тогда он говорит, что если они с ним не согласятся, то он их побьёт. И вот уже большинство согласны с Дэвидом, хотя им достаются не самые лучшие куски. Но тут заходит в класс учитель, видит, что торт делится несправедливо, и решает сам разделить его поровну. Дэвид и его дружки, которым достались большие и красивые куски, очень недовольны. Но остальные, которые вместо маленьких кусочков теперь получили равные доли, очень благодарны учителю.

— Учитель — это Россия? — спросила Джейн и открыла дверь. Мама обняла дочку.

К вечеру детские обиды почти улеглись. Джейн вышла во двор поиграть с собакой. С одной стороны двор был ограждён лишь живой невысокой изгородью. Блэк, так звали большого лохматого чёрного пса, внезапно перемахнул через эту изгородь и оказался во дворе соседей.

— Блэк, Блэк, — кричала Джейн, встав на цыпочки, чтобы лучше видеть пса. Внезапно во двор вышла соседка Линдси. Она была красивой, общительной и немного старше Джейн. Джейн любила с ней играть. Увидев пса и его хозяйку, Линдси приняла холодный вид и зло прошипела:

— Ты только собаку к нам спустила или бомбу тоже? Что молчишь, русская?

Джейн ещё раз позвала пса, исподлобья посмотрела на Линдси и, сжав кулаки, пошла домой.

Уединившись в своей комнате, русская девочка слепила из пластилина небольшой огурец — так она себе представляла бомбу. Потом нашла карту

Англии и со всей силы припечатала пластилиновый огурец на место страны, которую до этого считала своей родиной.

“Бомба” лепёшкой лежала поверх Англии. На неё капали слёзы восьмилетней русской девочки Джейн.

САМОЛЁТИК

В детстве я очень боялась запускать бумажные самолётики. Мне казалось, что они, взлетев высоко, останутся в небе, и небо станет грязным. Было страшно и когда ветер, налетев на какую-нибудь кучу мусора, раздувал щёки и что есть мочи подбрасывал кверху ворох газетных обрывков, пакетов и старых листьев. “Они могут остаться в небе, и небо станет, как куча мусора! Как жить под грязным небом?” Это был мой самый большой кошмар детства. Но пускать самолётики хотелось всё равно. Поэтому мы с сестрой придумали пускать их не вверх, а вниз.

Мы жили на пятом этаже, и балкон стал нашим аэродромом для бумажных самолётиков. По очереди бегали туда-сюда: одна самолётики пускала сверху, другая ловила на земле. Потом, собрав все, бежала наверх, а та, что только что была на “аэродроме”, бежала вниз. Так мы и летали, пока не надоест.

Однажды мой дедушка то ли оттого, что был лётчиком, то ли оттого, что очень разбирался в инженерных конструкциях, сделал самолётик повышенной летательности и научил меня. Тестировали дома. Летали новые модели превосходно — из одной комнаты в другую по чётко заданной траектории.

И вот мы с сестрой наделали целую кучу таких новых самолётиков и побежали пускать с балкона. Я, конечно, как старшая, первая отправляла в полёт экспериментальную модель. Когда внизу на дорожке показалась сестра, я запустила самолётик.

Бумажный планер сначала, как и подобает, направился вниз, но потом, не в силах противостоять своей лётной природе, вдруг качнулся носом вверх и, подхваченный потоком воздуха, взмыл высоко-высоко. Вот он парил уже выше дома, уносясь вдаль.

Меня охватил ужас. Я побежала на улицу, мысленно уговаривая самолётик упасть. Страшные картины рисовало воображение, как из неба, уткнувшись в него острым носом, торчит мой самолётик. А люди идут, смотрят вверх и негодуют: “Кто загадил небо?” А потом вдруг им всем становилось ясно, что виновата я, и они злобно начинали кричать, показывая на меня пальцами: “Это она!”

Когда я спустилась вниз, мы с сестрой стали искать бумажного вольнодумца. В воздухе уже ничего не кружило, но и из неба ничего не торчало. Это давало надежду на благополучный исход. Мы бегали вдоль направления полёта чудо-самолётика, но нигде не находили его. Я уже отчаялась, страх наполнял сердце, душа холодела и падала куда-то вниз. Я боялась взглянуть на небо и продолжала поиски, шаря глазами по земле.

— Вот он, смотри! — вдруг услышала я голос сестры, который словно крючком успел подхватить мою отчаявшуюся душу над холодной пропастью, и побежала к ней. Сестра стояла у высокого куста, в листьях которого торчал наш бумажный беглец.

Мы принялись трясти куст, и самолётик упал. Нос его был изрядно помят. Наверное, он все-таки долетел до неба, воткнулся в него, но упал.

Больше я самолётики не запускала. Даже с балкона.

ПО ТУ СТОРОНУ ДОЖДЯ

Белая ночь зевала над городом, когда я думала о тебе. Холодная Нева, стиснутая гранитными берегами, пустота Дворцовой площади, пожелтевший пергамент здания Главного штаба, амбициозный Александрийский столп — всё напоминало тебя. Неужели ты похож на Петербург? Капля дождя,

прохладная и невесомая, точь-в-точь как твои прикосновения, упала на мою ладонь. Серая дымка горизонта глядела на меня твоим взглядом. Я тихо позвала тебя по имени, но в ответ услышала голос саксофона. Знакомая мелодия небрежно разрывала некрепкую кисею ночи. Я пошла навстречу звуку, а в лицо мне дышал северный город, оставляя на щеках и губах свои влажные поцелуи...

Мы стояли на антикварной улочке, а вокруг шёл дождь. Ты шутил и смеялся, а смелые ручьи из сорвавшихся с неба капель кружили под нашими ногами. У нас не было зонта, и серое питерское небо набросило на нас свою непрочную вуаль. Дождь омывал тебя. Его капли срывались с твоих волос, медленно ползли по высокому лбу, стекали задумчивыми слезами по твоим щекам и, наконец, безо всякого стеснения, повторяя контур твоих губ, ложились к нашим ногам. В твоих глазах отражался старинный город и где-то в глубине — кусочек моей души.

Совершенно вымокшие, мы забежали в какой-то магазин. Со стен на нас внимательно смотрело время. Позолоченные и серебряные, деревянные и алюминиевые, грозя пальцами стрелок, за нами наблюдали часы. Одни из них размахивали тяжёлыми маятниками, убивая беспощадно секунды, другие поворотом изящных колокольчиков навсегда отправляли в прошлое мгновение настоящего. Ты остановился, поймал тонкую кружевную стрелку на старинном циферблате настенных часов и внимательно посмотрел на меня. Вдруг из недр будущего на нас обрушились бесконечные “ку-ку” маленьких механических птичек.

Ты взял меня за руку, и мы снова оказались на мощёной улочке. Время уже остановило дождь, сделав и его достоянием прошлого. Наш дождь стал ещё одним его трофеем.

Навстречу шла старушка в сетчатой шали.

— Пленница времени, — тихо сказал ты, провожая её взглядом.

В лужах отражались серые облака, в туманной дымке не видно было горизонта, а потому казалось, что нет земли. Казалось, что небо подхватило эти старинные здания на свои ладони, чтобы уберечь их для вечности.

— Останься со мной! — прошептал ты.

— Навсегда? — тихо спросила я.

— На этот миг...

Белая ночь растворилась в дыхании дня. Пространство переулков и площадей стало наполняться людьми. Шум растекался по городу рекой. Подхваченная этим потоком, я устремилась по руслу улиц. Меня ждал вокзал. Длинное тело поезда нетерпеливо ёрзало и пыхтело, когда я протягивала свой билет проводнику.

Вот высь прорезал гудок: это мой поезд прощался с Петербургом. В окно вагона я тихо сказала городу:

— До свидания!

Неожиданно его растрогало это прощание, и из серых туч снова пошёл мелкий дождь. Отдельными каплями он ударял в стекло и разбивался невесомыми брызгами.

Я не осталась с тобой. Нас размыл дождь. В нём растворились твои глаза, твои слова, ты сам... Я не осталась с тобой на миг, но ты остался со мной навсегда серым питерским дождём...

По ночам подушка подглядывает твои сны и подслушивает твои мысли. Но ты не боишься этого. Ты знаешь, что она не поведает миру о твоём сокровенном.

Каждую ночь одеяло обнимает все изгибы твоего тела, но никогда никому не расскажет ни о его достоинствах, ни о его изъянах, словно доктор, давший слово хранить в тайне особенности физиологии своего пациента...

Я хочу знать твои мысли, я хочу чувствовать твоё тело. Неужели для этого мне придётся стать плоским блином скатавшегося войлока или мешком, набитым пухом?

Придумай мне роль, роль, которую я сыграю в твоей жизни. Веди меня, как режиссёр актёра по неизвестным стороннему наблюдателю тёмным

коридорам твоих замыслов... Я буду вслушиваться в твой взгляд и искать нужное выражение. Я буду играть твои чувства...

Я оглянулась вокруг: тебя нигде нет. Я тихо позвала и прислушалась. Никто не ответил мне. Я закрыла глаза и увидела тебя, и услышала голос... Значит ты — сон?

А кто сказал, что когда-то были эти глаза? Эти огромные пустые глаза с чёрными дулами зрачков, устремлённых в мою безмятежность? Я спросила у своих родных, я спросила у всех знакомых — никто не видел этих глаз... Они — мираж? Может быть, тогда и я мираж?

Где я встречалась с этими глазами? На краю какой пропасти?

Они выстрелят в меня. Дула наконец прицелятся максимально точно и... А потом округлые веки со светлыми ресницами смахнут меня в расползающееся прошлое...

Подумать только, чего мы лишаем себя! И представить тоскливо. Неужели никогда-никогда нас не размочит бесконечный питерский дождь? Неужели никогда я не увижу, как его капли будут срываться с твоих волос и ложиться к нашим ногам?

Неужели я никогда не увижу в огромных безднах твоих глаз Александрийский столп? О, твои глаза бескрайни: в них могла бы отразиться вся Дворцовая площадь и Зимний, и здание Главного штаба, и... Ну скажи, для чего они тогда такие большие?

Неужели этот город, город разверзнутой души, простит нам своё отсутствие?

Но... Моя рука не в твоей руке, моё сердце не с твоим сердцем, и в твоих глазах отражаюсь не я... Две разные жизни. В них нет места питерскому дождю.